

Принц

Эту ночь Даша не спала. Необъяснимая тревога, нарастая, становилась почти осязаемой. Дотрагивалась до неё ледяными равнодушными пальцами, медленно сжимала горло. Сначала, вечером, всё было хорошо, даже замечательно. Данила, правда, почему-то не захотел подняться и наотрез отказался попить всем вместе кофе. Зато мама встретила спокойно. Более того, на сковородке уже румянилась поджаристая картошка и был порезан салат из помидор и крабовых палочек.

– Данилка чего не зашёл? – сразу спросила мама.

– Ну, не захотел.

«Я очень волновалась, я чуть с ума не сошла», – могла бы сказать мама, но ничего этого она не произнесла, только поцеловала Дашу и крепко обняла.

– Я очень долго думала, – чуть позже делилась мама, разливая чай, – ты уже большая девочка. Имеешь право на своё мнение и собственную жизнь. Мы решили, что поедем с Анатолием на юг, купим небольшой домик на берегу моря. А ты в этой квартире поживи недолго вместе с Данилой, я попрошу... Пусть он присмотрит. Конечно, я буду очень переживать. Но так лучше... Пока что... А потом мы поедем на море все вместе. Обязательно.

Просто фантастика! Мечта любого подростка! Море в перспективе и самостоятельная, независимая жизнь в настоящем. Наверное, и в школу можно будет не ходить...

– И всё при условии, что успеваемость будет отличной. Я скажу Даниле следить, каждый день писать отчёты... – угадала мысли мама. – А деньги на пропитание буду высылать. Главное, не светиться перед посторонними. Никому не говорить. Ни одной подруге. Слышишь? Ни одной. Ты ещё

несовершеннолетняя, центр опеки не дремлет. Так говорит Анатолий. А вообще, это всё будет недолго. Пару недель. Максимум месяц, и как только мы обустроимся, то сразу тебя заберём.

«Иногда не ходить в школу», – скорректировала свои планы Даша и спросила:

– А почему нельзя обустроиваться вместе? Сразу всем вместе и поехать?

– Ну... – мама потрогала на своём пальце крупный перстень, изображающий земной шар, подарок Анатолия, – как тебе объяснить... Он не против, чтобы мы поехали все вместе. Но, понимаешь, нам нужно некоторое время побыть одним... Только мы и море. Понимаешь?

– Угхм, – вздохнула Даша.

Ох уж этот Анатолий. С другой стороны, может, он и не так уж плох? Мама вот стала такой необычной, по-новому двигается и говорит. Иногда по-прежнему срывается, но намного реже. Всё чаще её глаза становятся туманными, а движения плавными, каждый жест обретает торжественную замедленность – так, словно она находится под водой.

Даша задумалась, чем же ей самой Анатолий так не понравился? Пожалуй, всё дело во внешности. И только. В его облике было что-то крысиное. Молодой, худощавый, миловидный, но при этом суетливый, с несколько вытянутым лицом и почти всегда прищуренными маленькими глазками. Он никогда не смеялся по-настоящему, только приподнимал верхнюю губу, обнажая передние зубы, длинные, сильно выступающие вперёд. И это считалось «улыбкой»! Самому себе, вероятно, он казался красивым. По крайней мере, в портфеле у него хранилось маленькое зеркальце и расчёска, и Даша однажды увидела, с каким упоением он приглаживает перед этим зеркальцем свои рыхлые кудри, спадающие до плеч.

Зато он был настоящим джентльменом, как говорила мама. После каждого свидания она возвращалась домой с огромным букетом роз. Квартира наполнялась благоуханием. Ваз не хватало, и они ставили цветы в ведра, банки, в обрезанные наполовину пластиковые бутылки.

– Почему он всегда дарит одни только розы? – придиралась Даша. – У него что, фантазии не хватает? Он не знает, что бывают другие цветы, разные букеты?..

– Отстань, – отмахивалась мама, – это его личная заморочка, пусть. У каждого человека, ты знаешь, бывают свои странности. Все странности Анатолия – приятные. Он именно такой... Ну, словно из журнала.

Кроме того, каждый вечер Анатолий присылал признания в любви, очень красивые возвышенные стихотворения, которые мама иногда зачитывала вслух. Конечно, обязательно провожал до подъезда, и каждый раз Даша, не выдержав, гасила свет и осторожно отодвигала штору. Так и есть. Обнявшись на прощание, они долго стояли под чужими окнами, ни капли не смущаясь.

Коробки шоколадных конфет, которые он приносил в подарок, были перевязаны розовой капроновой ленточкой. Мама их складывала, не раскрывая. Все эти ленточки, вздохи, ужимки, розы-морозы раздражали до невозможности. Иногда Даше казалось, что Анатолия и не существует. Есть просто воздух, sprыснутый одеколоном и упакованный в костюм.

– Нет, что ты такое говоришь? – ужасалась мама. – Он перед сном обязательно мне пишет «спокойной ночи, зайка, люблю». А утром, едва я проснусь, в телефоне уже поджидает смска «с добрым утром, солнышко».

Это было уже даже не смешно. Даша отставила чашку с чаем и констатировала:

– Прямо такие смски шлёт? Какой же он идиот.

И тут же получила пощёчину. Вскрикнув, схватилась за щёку. На глаза навернулись слёзы, не столько от боли, сколько от обиды и сдержанной ярости.

– Не смей так говорить! – почти прошипела мама. – Когда тебя никто не спрашивает.

Наскоро одевшись, Даша схватила рюкзак и выскочила на улицу с твёрдым решением сюда не возвращаться. Никогда. Такова краткая история того разлада, приведшего к утомительной и бесцельной прогулке по городу, пока Данила каким-то чудом не сумел найти её в автобусе и уговорить вернуться домой. Впрочем, долго уговаривать не пришлось. Мир был чужим, холодным и равнодушным к беде – это она поняла сразу, как только оказалась на улице и потопала в неопределённом направлении. Суетливо мчались лёгкие снежинки. Опускались колкими осколками, таяли на щеках. В одном из магазинов Даша купила булку с маком и тут же съела. Больше денег не было. Мелочи в кармане не хватило даже на бутылку газированной воды. Собираясь бежать, она как-то не подумала захватить кошелек: всякая озабоченность материальным в тот момент была ей чуждой и даже оскорбительной. Будущее

виделось предельно просто и ясно. Если не случится чего-нибудь невероятного, какого-нибудь чуда, то неподалёку находится пруд. Бывший барский пруд возле «дома Суслова». В школе, на уроках литературы, им рассказывали про некую Лизу, которая утопилась в подобном водоёме. Тем самым она ловко решила сразу несколько задач: отомстила подлецу-изменнику и красиво завершила свой жизненный путь. Кроме того, её сразу все полюбили. А так бы, наверное, и не заметили. Даша поймала себя на мысли, что ей было бы приятно посмотреть на маму и Анатолия в день её похорон.

Однако едва она оказалась на месте, вся решимость куда-то исчезла. Пруд был мелким, грязным, с чёрными подтёками снега по краям и торчащими горлышками бутылок. Даша прошлась по берегу. Присев на колени, тронула рукой воду – и ничего кроме тошнотворной брезгливости не испытала. Вода была прохладной и какой-то склизкой, похожей на хвост полудохлой русалки.

Теперь все эти картины ей казались далёкими и не настоящими. Какое счастье, что мама решила купить домик на море и поехать туда с Анатолием. Наверное, он не так уж и плох, раз затеял такое. Только бы Данила согласился навещать Дашу и писать каждый день отчёты, а то вечно у него какие-то дела, а мама говорит, что в противном случае домик на море отменяется, не оставлять же её под надзором безумной тётки Эллы. Тётя – младшая сестра отца – страдала каким-то психическим расстройством. Галлюцинациями, депрессией и манией величия. Она ходила исключительно в длинных шёлковых платьях, а на лицо накладывала плотный слой тона, чтобы подчеркнуть свою inferнальную бледность. Ещё она писала стихи, где-то даже печаталась. «Элла весьма известна в узких кругах, – говорила мама, – ненормальная семейка».

Конечно, лишний раз встречаться с тёткой не хотелось, и Даша побежала звонить Даниле. Телефон не отвечал. Странно, даже не поинтересовался, как у неё дела, успешно ли совершилось примирение. Тогда она отправила смс: «Всё хорошо, мы помирились. Есть срочные новости, перезвони». Но прошёл час и два, он так и не перезвонил. На него это было не похоже.

После бессонной ночи, тревожной, наполненной неясными ужасами, Даша вновь набрала номер брата. Тогда-то он и ответил, но очень странно. И голос у него был какой-то не такой, глухой, далёкий, хриплый. Звонок сорвался. Замирая от страха, она тут же нажала повторный вызов – но теперь абонент был недоступен. Высокая стена окружала со всех сторон, и звонки бились об неё, словно теннисные мячики.

Откинув одеяло, она перебралась из кровати в кресло и, сжав руками виски, принялась думать. Что-то случилось. Что-то произошло. Теперь она понимала это точно, но что именно? Нужно думать и действовать, срочно действовать. Может, ничего и не случилось. Но почему он так грубо ответил? Почему не перезвонил?

Поколебавшись, она набрала номер Полины, бывшей девушки Данилы. Совсем забыла, что та просыпается поздно, не раньше одиннадцати, однако сонный голос Полины моментально стал испуганным и растерянным. Она ничего не знала. «Может, нужно вызвать милицию? – спросила Полина. – Но на какой именно адрес, куда?»

Потом она пообещала, что тоже ему позвонит и сообщит результат. Отключив телефон, Даша пошла на кухню.

– Мам, мам...

Мама, в цветастом махровом халате, сидела на кухне и пила кофе со сливками. Она только что вышла из душа, и вокруг распространялся приятный цветочный аромат.

– Послушай, он не берёт трубку... Данила не отвечает на звонки.

– Данила? – взгляд Виты Степановны был мечтательным и каким-то отсутствующим, сонным. –

Что ты говоришь? Давно? Вы же вчера виделись.

– Вот с самого вечера!

– А, ну это ничего. Не суетись. Человек может устать, а телефон разрядиться. Позвони ему позже.

– Нет, тут что-то другое!

– А что, что другое? – она с удивлением выгнула брови и лёгким движением отставила чашку. – Не понимаю... Много в жизни мы не понимаем. Тут бы главное понять... – И Вита вновь упорхнула в свои мечты. Взять Анатолия, он любит её или нет? «Любит, конечно, любит», – утешливо отзывалось сердце и лстыиво твердили воспоминания. Пожалуй, это ей и нравилось в Анатолии больше всего. Такая определённая. В его чувствах можно было не сомневаться, в отличие от многих, он умел их выражать открыто. Как-то раз она решила его проверить. На автобусной

остановке заявила, что всё это время шутила и встречалась с ним просто так, ничего серьёзного не имела в виду. Это было неправдой, но хотелось посмотреть реакцию, что будет дальше. Реальность превзошла ожидания. Он упал на колени, тут же, в грязную лужу, и заявил, что жить без неё не может. И как же так? Наверное, он целовал бы следы от её сапог, но тут она уже прервала эту муку, поспешила протянуть руку и утешить, покаяться в суровой шутке, вновь заверить в глубине и подлинности своих чувств.

– О, о... – прошептал Анатолий, – слишком суровая шутка, о жестокая красавица, умеющая приставить к сердцу кинжал...

Его светлые кудри были растрёпаны, а лицо стало бледным и настолько жалобным, что Вита тут же, содрогаясь от содеянного, внутренне поклялась, что никогда в жизни больше не будет испытывать любимого. Неужели это и есть та самая любовь, вдохновляясь которой поэты слагают стихи? Видимо, да. От переизбытка счастья, нахлынувшего от одной этой мысли, ей захотелось сделать что-нибудь хорошее, например порадовать дочку.

– Даш, ты где? – позвала она. – Приходи пить кофе, скоро твой день рождения, обсудим подарки...

Даша в это время стояла у окна. Напряжённо всматривалась в топкую утреннюю даль, на бледные лучи, скользящие по стене соседнего дома, и бесшумно плакала.

ГЛАВА 12

Пора!

Сначала появился красный грузовик. Бордовая кабина и нескладной кузов, покрытый сверху брезентом. Ни в каком, даже самом отдалённом представлении Данилы, много раз пережившим в уме своё последнее утро, знающего вроде бы всё «от» и «до», любые шорохи и цветные пятна, этот грузовик не присутствовал, при этом, однако, он был до странности, до боли знаком, словно из какого-то далёкого детского сна или старой мечты, так и не сбывшейся. Грузовик приближался, а вместе с ним нарастало ощущение отчаяния. Было что-то от адского пламени в цепком и ровном сиянии фар. Что-то завораживающее и что-то губительное. Воображаемый автомобиль Тирольского всегда появлялся внезапно, на огромной скорости, словно игла, пронзал ветхое пространство, размытую дождями серую пелену и тут же, спустя пару мгновений, отброшенный взрывом, распадался на куски. Сам Данила в этот момент погибал, а потому всё дальнейшее его уже не волновало.

Теперь же... Так и есть... Тролль следовал за этой машиной, не спеша и не обгоняя. Почему?! Впрочем, какая разница!

Фырча и громыхая кузовом, грузовик проехал мимо. «Пора!» – сказал себе Данила, с трудом пошевелил рукой, и внутри что-то оборвалось. Тролль приближался – а он, Данила, просто тупо смотрел, не в силах встать и выскочить на трассу. Всё тело болело, ноги затекли, внутри пульсировал мерзкий комок, словно бойкий хомячок сучил лапками. Так лихо скакал, отплясывая, что разорвал сцепления сосудов и тканей, разъединил мышцы...

Совершенно невозможно что-то предпринять. Однако едва Тролль проехал, силы мало-помалу стали возвращаться. Дрожа, он встал сначала на колени, потом, оттолкнувшись рукой от земли, на ноги.

Позор. Совершеннейший и полный. Сокрушительный провал. Некоторое время Данила стоял, ловил ртом воздух, прохладный и безвкусный. Потом, пошатываясь, вышел на дорогу. Яркое солнце заливало окрестности. На деревьях суматошно и весело пели птицы. Нужно было как-то жить дальше.

Да, он не стал героем, спасителем мира. Не таким человеком родился. Струхнул в самую важную минуту, когда нужно было действовать.

Он возвращался домой, стараясь ни о чём не думать. Но вопреки этому, в голове роились стаи самых разных мыслей, ощущений и среди них – дятел с огромным чёрным клювом в виде знака вопроса. «Почему так-так-так? Почему так-так-так?» – мерно долбил он.

«По состоянию здоровья я даже в армии не служил, – отвечал ему Данила, – понимаешь? Это, может, не я виноват, это всё паршивое здоровье подвело. Организм слабый. Тролль не уйдёт, слышишь? Не уйдёт. Проиграно сражение. Но не проиграна война».

Дятел не улетал. «Почему так-так-так? Почему так-так-так?»

«Ты прав, здоровье здесь ни при чём. В армии я не служил, потому что в аспирантуре учился. Я вообще очень много учился. Сколько себя помню, всегда за учебниками. Ночами не спал. Я привык больше иметь дело с таблицами и числами, а не с людьми. Надо мной все смеялись... А я не замечал... Тогда смеялись без причины, просто так, теперь повод есть. Вот я, смейтесь теперь».

Данила уже входил в город и, после того как одна женщина с удивлением оглянулась и покрутила у виска пальцем, понял, что разговаривает вслух.

Наверное, он и походил на психа. Одежда была мокрой и грязной, ботинки в налипших комьях земли. «Почему так-так-так?» – не отставал дятел.

Данила завернул на рынок и сразу же, в крайнем ларьке, купил бутылку водки. Здесь он проходил рано утром, когда всё ещё только просыпалось. Казалось, с тех пор миновала целая вечность. Тогда хотя бы было пустынно и сумеречно, теперь же краски мира стали насыщенными и слишком откровенными. Какими-то ядовитыми. Солнце палило нещадно. Слепило глаза, подчёркивало убожество всей обстановки.

Толстые, пышногрудые тётки за прилавками, цветастые груды какой-то безразмерной одежды, тут же картошка и лук, свёкла, морковь. Сушёная рыба на верёвке. Ряды тёмных ботинок – крупными гнилыми грушами. Трусы и бюстгалтеры. Манекен без рук, в напыленном узком платье и шляпе. Возгласы со всех сторон: «Не проходи мимо, молодой человек! Давай сюда, купи, купи, купи...» Данила почувствовал, что ещё немного, и его стошнит.

Он выскочил за ворота, зубами сорвал пробку и, задыхаясь от нетерпения и жажды, сделал первый глоток. Потом ещё один. В голове чуть прояснилось. Не закусывая, допил до конца – вокруг поплыли, колыхаясь, рябые волны, в которых благополучно утонул и дятел, и назойливый рой мыслей-мошкеры. Теперь осталось дойти до дома, упасть на кровать, забыться сном. Да, прямо по этой воде, опираясь на зыбкую подвижную поверхность. Впервые за долгое время он улыбнулся и, напевая песенку, шагнул вперёд.

Двигался он хорошо, по правильной траектории, но по пути зачем-то сорвал цветочный горшок, приделанный к фонарю, и, размахнувшись, запустил его в витрину ближайшего магазина. Горшок не долетел, рухнул на асфальт. Словно кишки, из него вывалилась земля и тонкие прошлогодние стебли. Стекло осталось целым, на крыльцо тут же выскочила и закричала какая-то тётка. Впрочем, Даниле было всё равно.

В другом магазине он купил ещё несколько бутылок водки, а также коньяк, шкалик, батон хлеба и солидный кусок дешёвой ливерной колбасы.

Оказавшись, наконец, дома, всем этим наскоро перекусил, разобрал диван и рухнул спать.

«Ганс-Трина», – всплыло из пустоты. – Пошли на... – ответил Данила, засыпая.

– ...на бал, – галантно предложил Трине Ганс, – хочешь? У тебя будет красивое платье и химическая завивка, а у меня смокинг. Шляпу не забудь. Там же пройдёт венчание.

– Хочу, – ответила Трина.

У неё не было рук, а из глаз текла кровь.

После брака люди становятся другими. Уже нет необходимости беречь друг друга, каждый день, вновь и вновь, заслуживать любовь и доверие. Брак разрушает всю гармонию, сколько раз говорил ей, сколько раз...

– Ты получила то, что хотела, – цинично заметил Ганс, – так пойдёшь же, попляши.

Приседая, Трина пустилась в пляс. Всё вокруг завертелось, превращаясь в кошмар. Сигналили машины, мчался красный грузовик, Данила нажал кнопку детонатора – а это оказалась кнопка лифта, того самого, где Ганс прятал и расчленял трупы. Троль меж тем, как ни в чём не бывало, посмеивался и сосал из трубочки Балтийское море, помещённое в стакан. Всё шло своим чередом. И это было самое страшное.

* * *

Когда Данила проснулся, было уже темно. На тумбочке возле дивана стоял кувшин с водой, лежали лекарства. В отдалении, в свете настольной лампы, склонившись над вышивкой, сидела Полина.

– Так это ты? – только и смог сказать он.

Время песен

В неярком свете настольной лампы Полина казалась ещё более похудевшей и лёгкой, почти прозрачной. Длинные рыжеватые волосы, спускаясь по спине, закрывали локти, касались пялец с натянутой тканью. Вот она подняла глаза, и всё её лицо озарилось улыбкой.

– Проснулся?

– Полина, – шёпотом произнёс Данила, словно от громкого голоса видение могло рассеяться и пропасть, – ты здесь?

Это было потрясением. Прошло столько времени, а он так и не научился быть равнодушным; он и не думал, что всё ещё любит её. Как только видит – про всё забывает. И всех готов простить. Даже Тролля. Разрушенный такими откровениями, он зажмурил глаза и отвернулся к стене. Меньше всего ему хотелось прощать. Разве не достаточно унижений? Пусть она скорее уходит, пока его сознание не стало покорным и мягким.

– Я не просил приходить, – откинув одеяло, он сел.

Спустил ноги на пол.

– Знаю, знаю, Даня... – она подошла ближе. – Но... У тебя жар, я принесла лекарства. На кухне – куриный бульон, чай, из хлеба я сделала сухарики... Будешь? Я скоро уйду, я ничего не требую. Нас ничего не связывает, не переживай.

– А, ну тогда ладно, – Данила вновь почувствовал невероятную слабость и откинулся на подушку, – ничего не хочу. Если только чай... И бульон. С сухариками.

– Сейчас-сейчас, – почему-то обрадовалась Полина, – только немного подогрею...

«А знает ли она? А что, если она всё знает?..» – тяжёлым валуном качнулась мысль.

Он опять сел и пристально, с недоверием, посмотрел.

– Поля... А чего это ты вдруг? Как догадалась?

– Как-то всё сразу. Сначала Дашенька позвонила, твой телефон молчал. А ещё Наталья Афанасьевна... Может быть, ты ещё не знаешь, но...

– Да знаю я, всё знаю... – Данила с облегчением вздохнул.

– Так что всё-таки случилось?

– Долго рассказывать, потом... И вообще, всё это неважно. Пустяки...

Потом он что-нибудь придумает, сочинит небылицу. Пока же, и это главное, Полина ничего такого не подозревала. Она смотрела задумчиво и грустно, но без тени скрытой тревоги. Да уж, парочки вроде Бони и Клайда из них никогда бы не получилось. Может, это и к лучшему. Хотя, конечно, не о такой жизни он когда-то мечтал.

Своим появлением Полина сломала все схемы, прочные здания и крепости, которые вокруг себя он когда-то воздвиг. Смахнула лёгкой рукой, не задумываясь, будто крошки со стола. Все, кроме одной, самой крепкой и величественной. Вершина той башни мягко исчезала в туманном небе, может быть, она даже не заметила поначалу, а когда обратила внимание, было уже слишком поздно: Данила успел вырыть вокруг глубокий ров, а также обезопасить себя дополнительными решётками и замками. А в остальном...

Начнём с того, что встречаться с девушкой он не собирался. В жизни довольно проблем и всяческих дел, а уж если станет скучно (в чём Данила сомневался), всегда можно отправиться в романтическое путешествие и посетить, к примеру, Париж. Доказать заодно, что ничем он не хуже Тирольского, и уж по Лувру может погулять с умным видом. Когда-то даже деньги на поездку начинал откладывать, а после махнул рукой. Не до Франции пока что: а отдохнуть и здесь хорошо. Можно, например, пойти к барскому пруду и посидеть на траве, любуясь размытыми очертаниями городских огней, как мерцают они на зеленоватой и словно плюшевой поверхности воды. Или пройтись по центру, купить в киоске банку пива и забраться на колокольню Благовещенского собора, с которой открывается вид на город, застроенный, нелепый, перетянутый рекламными баннерами и проводами, но всё-таки любимый и родной...

В последнее время, правда, церковники стали перекрывать свободный доступ на колокольню, да и возможность отдохнуть, празднично шатаясь по окрестностям, случалась не так часто. Обычно он за светло уходил на работу, потом учился или сам давал частные уроки, ну а ближе к ночи мечталось

уже только об одном: вернуться домой и, засыпая, позабыть обо всём на свете. Но наступил апрель, а вместе с ним и те удивительные долгие дни, когда тёплый воздух наполнен благоуханиями распушившихся трав. К вечеру краски неба не темнели, а постепенно растворялись, становились прозрачными. Это добавляло какой-то чудной невесомости. Даже ветер был спокойным и мягким, словно старинный знакомец в пушистых перчатках.

В один из таких вечеров Данила не удержался и решил после работы пройтись пешком. Он миновал деловую часть города, где в бетонных зданиях размещались офисы. Где-то совсем рядом, он знал, затерялась узкая старинная улица, по которой когда-то проезжал экипаж Петра I. То ли проезжал, то ли собирался проехать, легенда была туманна, но, тем не менее, живуча, так, что даже один из переулков называли «Петровский тупик». Он прошёл один квартал и следующий, а памятные места так и не встретились. Как местному жителю, ему стало жутковато. Не могла же улица взять и пересохнуть, словно река? Около небольшой торговой площади он остановился. Будто спица, воткнутая в пышный клубок ниток, от площади отходила весёлая незнакомая улочка, вся завешанная сверкающими гирляндами искусственных цветов.

Повинуясь какому-то неясному чувству, он свернул туда. И хотя вокруг грохотала музыка, работали дорогие кафе, на летних верандах обеспеченные разодетые люди пили чай и вино, он упрямо пошёл вперёд. Сквозь смрад, пьяные взгляды, шум, крики, хохот...

Здесь, около ночного ресторана «Череп синицы», он и увидел Полину. Одета она была просто, даже как-то невзрачно: в джинсах, сапожках и серой ветровке с треугольными отворотами, застёгнутыми наискосок. Перекинув через плечо ремень с гитарой, она умудрялась играть, резко хлопая по струнам аккорды и одновременно, пританцовывая, высоко подпрыгивать. Её волосы, тогда покрашенные в огненный красный, разметались и торчали во все стороны, а лицо было бледным, весёлым и уставшим, но привлекло не это. И даже не общая обстановка абсурдного хаоса, случившегося среди тихого и совсем ещё недавно такого прекрасного вечера...

Данила обратил внимание на второго выступающего. Хилого парня с негритянскими дредами и медной серёжкой в ухе, который изо всех сил молотил в барабаны, хитро поглядывая по сторонам. Было в этом взгляде нечто, что Даниле не понравилось совсем: слабость, порочность, сентиментальная восторженность... Он был слишком тонок, а танцовщица слишком огненна и хороша, и если вся она, казалось, растворилась в своей музыке, острой, непонятной, мучительной, то парень стучал в барабаны механически, будто пыль из ковра выбивал.

Данила постоял, кинул мелочь в шляпу, дремавшую на асфальте, и пошёл дальше, своей дорогой. Пьяный шум и возгласы остались позади. Он не заметил, как вышел к дачным новостройкам, как на полной скорости, врезаясь в лужу, промчалась иномарка, выплеснув под ноги грязь. В душе зрела тревога. Пытаясь избавиться от странного чувства, он долго гулял, бродил по окраинам; выпил текилу, но муторная зачарованность не проходила. Если раньше он видел всё чётко, ясно, то теперь над зданиями плыли кучевые облака. Больше ничего не происходило. Точнее, всё остальное было неважно. Только облака, покатые крыши домов, только боль.

Быть может, он знал заранее, к чему всё приведёт, чем обернётся? Предчувствовал. Может быть, и нет. В любом случае, ему казалось, что, сделав шаг навстречу Полине, он не счастья-радости искал, а вплотную подошёл к страданию. Жизненные схемы осыпались, мучительно царапая.

А может быть, он никогда и не любил, лишь соревновался, как знать. В школе нужно было стать лучшим, победить на олимпиаде, теперь вот девочка, недостижимая, с огненными волосами.

Второй раз он увидел её на концерте знаменитого рок-певца Папируса. Сам бы никогда не пошёл – Дашка уговорила. Мол, одноклассница не смогла, не пропадать же билету. По случаю приезда Папируса стадион возле храма переоборудовали во временный театр с высокой сценой и сотней рядов пластиковых сидений, совершенно лишних, потому что ближе ко второй части концерта публика, вдохновлённая музыкой, обычно уже неистово и самозабвенно танцевала, а тут какие-то стульчики, будь они неладны. Папирус умел дарить первобытную радость, но начинал издалека, постепенно. Вот он вышел на сцену, прямой и тонкий, словно спичка, в длинном фраке и сапогах на платформе, укутанный лиловым сумраком. Зажглись медовые прожектора, ослепив глаза. Папирус поднёс к губам микрофон и, чуть покачиваясь, зашептал, захрипел первую песню. «Ах...» – восторгу Даши не было предела, она даже привстала, чтобы лучше видеть. Дивная тишина. Только дым, ползущий по залу волнистыми змейками, бледное лицо исполнителя, отражённое на боковых экранах, чёрная фи-

гурка вдалеке и шёпот, надтреснутый шёпот... Постепенно голос Папируса стал совсем прозрачным и, угасая, исчез под мерный аккомпанемент двух гитар и скрипки. Взрыв оваций, свиста, криков... Головокружительный контраст бури и покоя.

Оглянувшись, Данила неожиданно увидел ту девушку. Среди ликующего океана человеческих лиц она удивила своей статичностью и вопиющим безразличием. Её ладони аккуратно и вяло ударялись друг о друга, а на лице застыла полуулыбка. Рядом сидел парень, теперь уже другой, не тот барабанщик с дредами. Подчёркнуто интеллигентный, в тёмных брюках и белой рубашке. Его волосы были старательно зачёсаны назад, открывая высокий выпуклый лоб. Несомненно, это была очень странная пара. И сидели они с такими минами, словно находились на концерте классической музыки. Чинно переговаривались. «Уже другой... Так... Однако», – подумал Данила.

Нет, он, конечно, не был особенно заинтересован в знакомстве, но подозревает ли тот концертный парнишка, что он не единственный, что есть ещё и другой, с дредами? Данила очень болезненно воспринимал тему измены, во многом из-за этого он и решил не связывать себя семейной жизнью. Лучший способ избежать ада, самому туда не спускаться. Однако с тех пор Полина стала ему сниться. Ступая на носки, воздушно проходила мимо, окутанная синеватым сумраком и музыкой Папируса.

Когда он увидел её третий раз – и это не померещилось, – она стояла за прилавком продуктового магазина и мило общалась с покупателем. Теперь её огненные волосы скрывал нелепый белый колпак. «Значит так, она работает продавщицей, а танцы с гитарой – всего лишь хобби», – сделал вывод Данила – и вновь ошибся. На самом деле, как он узнал после, Полина окончила балетное училище, некоторое время состояла в театральной труппе, гастролировала по разным городам, но затем у начальства возникли финансовые трудности, театр закрыли, и, поскольку поиски нового места не увенчались успехом, она стала выступать на улицах, танцевать в клубах, подрабатывать курьером и в магазине. Такие девушки ему точно не нравились. Слишком много суеты. Кроме того, его раздражали крашенные волосы и яркий макияж, – а она в тот день была крашена, как кукла. Фиолетовые веки, коралловый рот, всё какое-то неживое, второсортное. Связка браслетов на запястье. Но взгляд...

Хохотнув, покупатель, наконец, отошёл.

– Мне, пожалуйста, пачку... – Данила забыл, что хотел купить... – Пачку... Мы где-то виделись, да? – скорее, просто так сказал, чтобы заполнить паузу.

Ну, конечно, не виделись! Пусть скажет «нет». Он будет только счастлив.

– Виделись, – кивнула Полина и прищурила глаза... – На дне рождения Анатолия. А потом в автобусе и на рынке, когда я кеды покупала. Сама удивляюсь, вот. Что бы это значило?..

– Ничего не значит, совпадения... – заволновался Данила. – Бывает, что... Ну да... Всякое бывает...

– А? Ну я и говорю, ничего не значит. Впрочем, забавно.

– Забавно, – подтвердил Данила. – А какой ещё Анатолий? Что-то не припомню такого.

Выяснилось, что имеется в виду Анатолий Тирольский. Не так давно он устроил недельное празднование своего дня рождения, в личный дворец пригласил школьников, их возили на специальном автобусе и показывали тигра, кроме того, распорядился украсить искусственными цветами главные улицы города и каждый вечер, семь дней подряд, палить фейерверки. Всё это безумие прошло как-то мимо Данилы, однако выяснилось, что те, кто оказался в это время в центре, по умолчанию считался «на дне рождения Тирольского». Где-то там стояли стойки с бесплатными кексами и шампанским. Где-то водили хороводы и выступали клоуны.

– Это же великолепно! – щебетала Полина. – Своего рода возвращение Античности. Что-то подобное было в Древней Греции, на Великих Дионисиях. Народное гуляние, праздник без границ...

– Который заканчивался оргиями.

– Оргии во дворце Тирольского... Может быть... – она понизила голос. – Такое рассказывают, да. Не исключено. Но так ведь и в Греции подобное случалось. Только ханжи, наверное, осудят. А что Античность – великая культура, никто не спорит. Так что...

– Сейчас всё идёт к усилению консервативности. Вновь навязывают запреты, ограничения, домострой... – вздохнул Данила. – Видать, для того чтобы всякие Тирольские балы справляли. Давно хоть были те гуляния? Всё пропустил.

– Совсем недавно, – расцвела Полина, – не пропустил, зачем грустить... Сегодня, например, последний день, когда работает оранжерея. В «особняке Сулова» сделали выставку экзотических растений.

Слово за слово, так они и познакомились. Данила и сам не понял, как так случилось, что, догворившись, они вместе сходили в эту оранжерею (сроду не интересовался цветами), а после пили в «Советской» пекарне чай. Пекарня закрывалась рано, пришлось перейти в другое заведение – доверную «Тихую гавань», где заказали салат, один на двоих, – крупные листья капусты были посыпаны тёртым сыром с поджаристыми сухариками.

На второй неделе они уже целовались. На третьей – стали жить вместе. Четвёртую неделю продолжили. И пятую. Так, незаметно, Полина стала его девушкой.

Сначала, первый год, они жили неплохо, но затем начались трудности, беспричинные разногласия, апогеем которых стала коронная фраза Полины: «Женись на мне». Она утверждала, будто «женись» и «жизнь» слова одного корня и что без данной формальности теперь ей всё не в радость. А тринадцатого апреля она сказала, что уходит. Вот так. Как заметил Данила, эта несчастливая цифра его буквально преследовала, словно хорёк, прогрызала всё новые ходы в едином полотне счастливого, в общем-то, существования. Точнее, счастливого до того, как Полина свихнулась на почве религиозной морали.

Ради чего жениться? Для галочки? Для того чтобы работники ЗАГСа имели зарплату и видимость некоего дела? Хорошее дело, печати шлёпать да по ковровым дорожкам ходить. А какой бизнес вокруг свадьбы накручен, не описать. Все эти золотые колечки, кулоны, розы, белые лимузины с цветными лентами, прозрачная фата, перчатки, прочая мура. Полина утверждала, что её устроит и бюджетный вариант, пышная фата не обязательна, – но тут же добавляла про венчание в храме, том самом, что недавно позолотил Тирольский.

– Чего не хватало! – кричал Данила. – У нас что, Средневековье?! Делать себя посмешищем? Да, может, он для того и выделил средства на восстановление, чтобы свечи потом продавать и пожертвования собирать! Всякие дуры заходят, деньги свои оставляют. Если Бог есть, то он не нуждается в специальном доме...

– Не говори так... – тихо отзывалась Полина. – Например, наша соседка Наталья в храм ходит и рассказывает, что...

– Знать не хочу... Ещё всяких старух мне слушать. Она что, институт закончила?

Конечно, он догадывался, прекрасно понимал, кто настраивает Полину против него, одно время хотел даже поговорить с Натальей, может, припугнуть слегка, чтобы не лезла в чужую жизнь, да было некогда. С другой стороны, он и не держит никого. Решила уйти? Скатертью дорога.

В глубине души он знал, что Полечка не уйдёт. Просто не сможет.

А потому очень удивился, когда дверь закрылась, по лестнице прозвучали шаги и в комнате стало пусто. Впервые за весь год он заметил, что за окном сердито торчит ветвь большого дерева, похожая на тёмную руку какого-нибудь колдуна. Свободного места в квартире образовалось больше, а простора от этого почему-то не прибавилось. Напротив, все предметы стали давить своим объёмом и формами. Вставать на пути, цеплять за рукава. Тогда он опрокинул с полки посуду, несколько тарелок, и разломал табурет, оказавшийся на пути, а ещё разбил гитару, на которой они когда-то играли и пели весёлые песенки. Но время песен закончилось. Хорошо, что тогда под раковиной ещё не хранилась взрывчатка. А то бы взорвал. В один момент сделал бы так, ничего не пожалел бы. К вечеру боль немного утихла, и он понял, что сможет жить. Более того, уже давно зрела цель... Большая, дерзкая, острая, словно копьё; с Полиной и её выпендрожом никак не связанная. По любому, так или иначе. Он станет легендой. Настоящим героем, сумевшим разрушить этот пакостный убогий мирок...

ГЛАВА 14

Когда хочется плакать

Полина не могла избавиться от чувства, что Данила общается не с ней, но с каким-то воображаемым двойником; чем-то похожим на неё, но всё же иным. Его отсутствие было вопиющим, но абсолютно не доказуемым. Слушая её незатейливые рассказы, он думал о чём-то другом, на все вопросы отвечал невпопад и сердился, если она уличала его в невнимательности. Правда, долго сердиться он не мог, поскольку забывал вчерашний день, едва тот заканчивался. Почти сразу Полина поняла: нужно

быть благодарной уже за то, что он не забывает её имя, а большего, пожалуй, и не стоит требовать. Она бы и смирилась с таким положением дел, если бы не вспышки необъяснимой, сокрушительной ярости, которую могли вызвать самые обычные, даже обыденные явления или слова.

В угоду ему она перестала краситься и стала носить тёмные, подчёркнуто строгие, старушечьи свитера. Но вскоре выяснилось, что Данилу не устраивает слишком яркий цвет солнца, он с трудом соглашался гулять в хорошую погоду, зато в дождливую, словно издеваясь, был готов.

Уговорить съездить на море – задача невыполнимая, на грани фантастики. А вот в Норильск – всегда пожалуйста. Особенно актуальной тема Норильска или хотя бы Кировска стала в преддверии новогодних каникул. Самое страшное, он предлагал всё это серьёзно, без тени улыбки. Но это ещё не всё. Ехать он хотел в поезде, непременно на верхней полке, а ночевать – где-нибудь в палатке, может быть, у подножия Хибин.

В итоге, после затяжных, словно осенний дождь, споров, даже на праздники оставались дома. В предновогодние дни они всё же поставили пушистую настоящую ель, обмотали блестящими нитями дождя, навешали звонких шаров и конфет. «Поля, вот теперь у нас ель», – сказал он. А ночью вместо какого-нибудь нормального подарка вручил ей колючий шерстяной носок, набитый всякой дрянью: грошовыми пластиковыми заколками (она такие не носила), детскими брелочками в форме прозрачного сердечка, внутри которого плескалась рыбка из фольги, карандашами, ручками, точилкой и орехами. Кому-то на Новый год дарят новые смартфоны, а кому-то...

И всё-таки... В ту новогоднюю ночь чудо произошло. Иначе это назвать невозможно. Запивая кусок торта терпко-кислым шампанским, рассеянно поглядывая в окно, в темноту, которая то и дело, громяхая, рассыпалась цветными осколками салютов, она вдруг подумала: почему мы всегда всё измеряем? Что значит: «у кого-то» или «кому-то», «кто-то, в отличие от нас» или «так положено»? Да ничего не положено! Нет здесь образцов, кем-то принятых схем! Разве не она когда-то полюбила Данилу? Да, такого странного, непонятного, сердитого. Психа, который терпеть не может жаркую погоду, ловких предпринимателей-аферистов и мелких комнатных собачек с трясущимися лапками. Невыносимого зануду, который замечает её только в том случае, если она не одна, а с кем-то из коллег или знакомых. Тоже занятное явление, несколько раз проверяла. Данила не может запомнить, как зовут её родственников, где прошло её детство, кем она работает. Принимает её за балерину, тогда как она давно уже не танцует и в магазине никогда не работала – заменяла в тот день заболевшую подругу. Да, он очень, очень смешной и странный. Но это – он. Неповторимый, единственный. С серо-зелёными глазами и ранимой забывчивой душой.

Сейчас они сидели на диване возле ёлки, среди тарелок с разложенными салатами и кусочками сливочного торта, среди музыкальных инструментов, которые она перевезла со старой квартиры, и сваленных в кучу платьев, поскольку места в шкафу не хватало, а купить новый никак не складывалось...

– Так, значит, ты не хочешь на море, на юг? – спросила с улыбкой.

– Неет!!! – очнулся Данила. – Вот пристала!

«Как же я тебя люблю...» – с ужасом подумала Полина и, пугаясь своего открытия, зажмурила глаза. Но было уже поздно. Дело даже не в том, что они уже полгода жили вместе. «Сожительство – большой грех, нужно повенчаться...» – как-то раз словно бы невзначай сказала старомодная соседка Наталья. А в том, что эта встреча изначально состоялась, произошла, в какой-то другой, параллельной, реальности, и вот теперь настойчиво прорастала в день настоящий.

Дальше, правда, в наступившем новом году, всё пошло на скат, вкривь и вкось. Пожалуй, так хорошо больше никогда уже и не было.

Между внутренним и внешним миром звенело стекло, отзывалось страшной тяжестью, сердечной пустотой. Чего-то в этой картине не складывалось. Не хватало какого-то одного, но самого главного, высокого смысла. Один раз Полина даже заходила в церковь, по совету той же Натальи, ставила свечи и долго шептала перед иконой молитву о счастье, которое, по её представлению, составил бы детский смех и большая дружная семья.

Однако Данила ничего менять не собирался и заявлял об этом прямо. Семейная жизнь – это не для него, а для каких-нибудь обывателей. Тут он цитировал Блока: «Ты будешь доволен собой и женой, своей конституцией куцей, а у поэта – всемирный запой, и мало ему конституций...» Так что, всё это формальность, пережиток, суеверие. Главное – не штамп в паспорте, а любовь. Разве нет?

Некоторые так и живут десятилетиями, но Полина не смогла. Между мучительной влюблённостью, шатким свободным полётом в никуда и горестной правдой она выбрала последнее. Так они расстались, хотя в мыслях, воспоминаниях, мечтах он всегда был рядом, не покидал ни на миг. Маята сохранилась. Зато дышать и плакать стало легче. Словно камень упал с души...

ГЛАВА 15.

Ключи

Теперь, когда Наталья завершила жизнь, Данила не без удовольствия подумал, что связь он всё-таки нащупал тогда верно. Внутренний механизм, согласно которому суждения малограмотной старухи определяли, формировали поступки его любимой девушки. Не стало Натальи – и Полина, пожалуйста, сразу вернулась. Но смогут ли они теперь поладить, сможет ли он простить – ещё вопрос.

...Он очень удивился, когда вечером Полина засобиралась домой.

– Ты куда?

– Так навестила, теперь поеду. Я ведь по поводу Натальи к соседям заезжала...

– Как это, по поводу Натальи? – неожиданно для самого себя Данила заволновался. – Что это значит?

Выяснилось, что одна из знакомых Натальи Афанасьевны передала Полине свёрток. Мол, именно ей завещала усопшая, просила передать.

– Я ей как внучка, видимо, стала, – глотая слёзы, призналась Полина, – а завтра уже похороны. Отпевать будут в Благовещенском соборе. Потом поминки... Прихожане храма всё сделают. Кто бы знал, что больше с ней не поговорить... Не навесить... Только цветочки на могиле сажать.

– Как внучка стала, ну да... – подытожил Данила. – Своих-то детей у неё не было. Ну, а что она тебе передала? Покажи, гляну...

Поколебавшись, Полина принесла сумку и достала холщовый мешок. В нём лежала белая чашка, пожелтевшая внутри от времени, медальон на тонкой цепочке и самое, пожалуй, ценное – крупные настенные часы с маятником. Завершались часы покатою деревянной крышей, вроде как домиком, а в центре были створки, плотно затворённые.

– А ну-ка... – Данила сходил за наждачным ножиком и принялся размыкать.

– Что ты делаешь? Отдай, сломаешь... – Полина попыталась выхватить часы, но Данила, закрывшись локтем, отмахнулся.

– Отстань, дура... Подожди. Может, там деньги, не может быть, чтобы просто так...

Створки не поддавались.

– Старое слишком... После разберём, посмотрим... – отложив часы, Данила взял медальон и, нажав на кнопку сбоку, попробовал открыть.

Медальон также не открывался. Лежал на ладони столетней замкнутой раковины, замшелой, окаменевшей.

– Мда... Вещички... – сразу стало скучно и захотелось спать. – Впрочем, какому-нибудь антиквару можно будет показать.

* * *

Дома Полина с грустью и удивлением подумала, что Данила с тех пор, как они расстались, сильно изменился, можно сказать, деградировал. Нет, конечно, он и раньше не сильно её восхищал, но теперь стал нравиться ещё меньше. Она вспомнила его резкие движения, грубые и какие-то напряжённые, его приказной и одновременно обиженный тон, хриплый простуженный голос, его грязные сапоги в прихожей, брошенные кое-как и стоящие в отвратительной землистой луже, и подумала, что всё происходящее в жизни не случайно и к лучшему. То, что они расстались, – несомненно, благой промысел.

Она прошла в свою комнату, закрыла дверь. Бабушка на кухне смотрела телевизор, очередной боевик. Хлопки перестрелок чередовались с грубыми выкриками и бранью. Потом наступала полная тишина, разбавленная разве что лёгкой музыкой, во время которой герои целовались. Последнее время бабушку особенно стали увлекать две темы: детективы и эротика, которая на самом деле всё то же сражение, только переодетое в лёгкие кружевные доспехи. Она даже забросила любимые кросс-

ворды, а на стене, над своей кроватью, вместо очередного календаря с котиками развесила плакаты полубогажённых актрис, застывших в самых разных позах. «Самое главное в жизни – это любовь, я только сейчас поняла, – говорила бабушка и тряслась от грустного смеха. – Всё остальное – тлен. Женщина создана для того, чтобы быть рядом с мужчиной. И не более того».

Обычно Полина заходила на кухню и принималась спорить с бабушкой, доказывать, что человек может быть семейным или в отношениях, а может быть одиноким всю жизнь, как, например, Наталья Афанасьевна, но главное не это, бытийная ценность человека от этого не зависит, – а то, насколько ты по-настоящему и всерьёз проживаешь свою неповторимую жизнь. Но сегодня хотелось тишины. Она приоткрыла окно, и тёплый апрельский ветер, ворвавшись, затеребил шторы, словно паруса...

...Про Наталью Афанасьевну ходили слухи, что она очень странная, чуть ли не умалишённая. Например, как-то раз в храм пришёл благотворитель, его имя было указано на золотой табличке перед входом. И хотел он купить свечу – а купюры в кошельке только крупные. Заволновался. Дает банковскую карточку – но для считывания карт прибора нет. Мог бы и целую купюру оставить, все думают, а Наталья вдруг покупает для него свечку и пирожок ещё дает с капустой, словно нищему. Ну, вот зачем? Он потом был готов её на своём джипе до дома довести, но она отказалась. Всенощная уже начиналась, не время уходить.

А спустя некоторое время золочёную табличку сняли. Как передали, сам богач так велел.

Однажды она соорудила в центре города зелёный островок. Чудо-кустики, лепестки всеми цветами радуги переливаются, ни один не повторяется. Как, из каких семян вырастила – никто не знает. Мало кто и заметит... На самом проходном месте посадила, где ни лавок, ни фонтанов, ни кафе... Все только мимо спешат.

А ещё как-то раз она вышла на улицу и принялась раздавать конфеты. Помянуть Мелетия просила. Никто толком и не разузнал, что за Мелетий? А конфеты были вкусными, в ярких фантиках, «Дама с собачкой» назывались. Некоторые по несколько раз подходили, карманы себе набивали.

«Вот по-честному, – думала Полина, – если правильно рассудить, конфеты нужно было бы давать строго по одной, и только тем, кто действительно Мелетия помянет. Пусть остальные идут лесом. Того наглого богача надо было бы выгнать из храма совсем. Все пальцы у него в перстнях, а десяти рублей, ишь, на свечку не хватает. Ну и цветы... Жалко их. Лучше бы возле своего дома посадила или на балконе и любовалась бы. А там что? Никто толком “спасибо” не скажет. Все только мимо бегут. Удивляются, любят, и... мимо, мимо».

А ещё она кормила бездомных кошек. Разбрасывала пшено небесным птицам, вязала и раздарила шарфы и носочки. Играла с малышами в песочнице. По воскресеньям надевала шляпу и белые туфельки на каблуке.

Теперь Полина пыталась вспомнить, что она знает про саму Наталью? Про её судьбу? Ведь заходила в гости, чай с пирогом пила. Только разговаривали всегда на другие темы. Больше про непутёвого Данилу, про его странности и как же теперь жить... «Я видела только себя саму... – вдруг поняла Полина. – Во всём, везде... Даже не спросила, как прошла её молодость, о чём она мечтала, к чему стремилась... Правда, у меня есть оправдание. В тот момент я была так несчастна...»

Небо за окном, темнея, стало насыщенно-голубым, какое бывает только в солнечные вечера апреля, и ощущение несчастья медленно, но верно вновь как когда-то давно, наполнило сердце до краёв. Но была в том и сладость, и сокровенная трепетность. Извечная, необъяснимая. Может быть, оттого, что она вновь увидела Данилу, смогла поговорить. Всё в нём только огорчало и возмущало, вызывало неприязнь. Но одновременно какое-то иное, странное и неправильное, глубинное чувство подсказывало: больше всего на свете она хотела быть рядом и помогать, оберегать, проявлять заботу. Оказывается, ничего не ушло в прошлое. Вздохнув, Полина внутренне обещала себе, что ни за что не пойдёт на поводу у собственных желаний. Нет ничего более жалкого, чем жить рядом с тем, кто приносит лишь боль и страдание, медленно убивает изо дня в день своей холодностью, равнодушием, отстранённостью. С тем, кто даже не обещает быть верным, ввести в свой дом, иметь одну, общую, судьбу.

Всё-таки Наталья была права. Брак – это не просто формальность, но священное Таинство, наполняющее будни вдохновенным содержанием и красотой. Интересно, что же всё-таки означают её переданные в дар вещишки... Полина достала из холщёвого мешочка медальон, часы и чашку. Покрутив в руках, решила убрать пока в ящик стола. Неожиданно дверцы часов раскрылись, и на

пружине высочила птичка. Покрутила головкой, тревожно и легко взмахнула крыльями и, звонко пискнув, скрылась обратно. Чудеса, да и только...

Повинуясь неведомому желанию, Полина взяла медальон, осторожно нажала на боковой шуруп. Медальон распался на две створки. Внутри была фотография. Чёрно-белый портрет. Не старый ещё, средних лет мужчина с густой бородой и ясными, до странности живыми глазами, в которых прятались одновременно и улыбка, и затаённая грусть, пристально, словно бы изучающе смотрел на неё.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 16

Линозову плохо

Было раннее утро, город мирно дремал, подёрнутый лёгкой занавеской тёплого дождя, когда к «особняку Сулова» подъехала машина и, поведив фарами, аккуратно припарковалась на газон. Передняя дверца открылась, на асфальт ступил человек в длинном чёрном пальто. Спустя мину-ту или две на крыльцо вышел охранник; некоторое время они разговаривали. Затем незнакомец передал свёрток, перетянутый грубой бечёвкой, сел в машину и уехал. Если бы охранник был сентиментален, то, безусловно, он бы принялся пушить и разглаживать примятую травку. Но подобным тонким душевным устройством он не обладал, а потому сразу вернулся в помещение, в свою душную каморку под лестницей, и, достав флягу, плеснул в стакан мутную жидкость. На травку, будем честными, ему было попросту наплевать. Потом наступил день, и эту историю больше никто никогда не вспоминал.

* * *

По коридорам и на этажах шло назойливое шевеление, хотя картины уже развесили, к банкету приготовились – накрыли в холле столы, выгрузили пластиковые бутылки с водой, расставили нарезки сыров и колбасы. И тут, в последнее мгновение, поступила информация о том, что на открытие прибудет почётный гость, а вместе с ним отряд журналистов и центральное телевидение.

Смотрительница, девушка лет девятнадцати, которая только что, на днях, устроилась на работу, чуть в обморок не упала. Больше всего на свете она боялась журналистов, а если встречала какого-нибудь почётного гостя, артиста или общественного деятеля – то и вовсе теряла способность говорить.

– Карина, возьми себя в руки, – твердил ей книготорговец с первого этажа, – платье у тебя шикарное, волосы уложены. Чего ещё надо? Всё будет хорошо.

– Правда? – Карина вновь и вновь смотрела в зеркало, поправляла пышную ажурную юбку, которая струилась от талии до самого пола.

В её волосах, скрученных на макушке в тугую пирамиду, сверкали блёстки и самоцветы, а в центре всей конструкции была установлена изящная белая корона. Волей-неволей Карина привлекала внимание гостей. Как бы ей ни хотелось казаться простой и незаметной – она обречена была шествовать в ореоле собственного сияния и скромного покорного великолепия. Во всём был виноват директор. Когда на прошлой неделе он принимал её на работу, то задавал довольно странные вопросы и высказывал ещё более странные пожелания. Читала ли «Сто оттенков сиреневого хинакридона»? Нет? Мм... Не пропускает концерты Папируса? Так.

Ну и далее, он огласил требования: из Золушки она должна стать принцессой. Это, во-первых. Смотритель зала искусств сама должна быть великолепным произведением искусства. Во-вторых, в её обязанности входит присутствовать на всех открытиях и встречать журналистов. В-третьих. «Сиреневый хинакридон» читать нельзя. В противном случае будет уволена.

Разумеется, следующую ночь Карина не спала, тайно читала «Сиреневый хинакридон».

Теперь её сопровождали ужасающие видения той книги, разные монстры и зубастые чудовища, а к головной боли, вызванной бессонной ночью, прибавилось чувство вины. Словом, в тот день она была столь же прекрасна, сколь и несчастна. Так что книготорговец, наконец, сжалился и предложил

подежурить на стойке с книгам, а сам побежал общаться с журналистами и расстилать ковровую дорожку почётному гостю.

Едва Карина оказалась за прилавком, как тут же достала «Хинакридон» и погрузилась в чтение очередной главы. Внешний мир перестал существовать.

Стены здания растворились, и на огненной колеснице, запряжённой тиграми, въехал дракон. Вместо колёс крутилось два солнца. В своих лапах дракон держал рог луны, наполненный звёздными искрами и вином.

* * *

В такой суете приезд Тирольского оказался незамеченным. Да, он прошёл, ослеплённый вспышками фотокамер, лучезарно улыбаясь направо и налево, но Карина в тот момент была погружена в «Хинакридон», а книготорговец (надо же такому случиться) увлёкся спором с одним пришлым дилетантом на тему: нужно ли переименовывать «особняк Сулова» или оставить пока что так.

– Сулов – это наша история! – утверждал книготорговец. – Нравится вам это или не нравится, сударь.

– Так на самом-то деле это не его особняк! Не он его построил, – упорно возражал посетитель. – Да и стихи слабые. Так себе... Подражание...

Беседу их прервал грянувший вихрь оркестра. Разом ударили барабаны, смущённо и тонко запели скрипки.

Затем на сцену поднимались поэты и художники. Поэты читали свои стихи, воспевающие нежную земную любовь и природу, а художники размышляли о сущности искусства. Виновник торжества, известный художник-абстракционист, лауреат премии года за картину «Спираль», на открытии собственной выставки отсутствовал: как говорили, внезапно занемог. После того как отзвучали приветственные речи, стихи, музыкальные экспромты, вперёд выдвинулся помощник Тирольского и объявил важную новость: грядут большие перемены, завершающие любые споры. Нет больше смысла рассуждать о том, кто именно причастен славной истории особняка. А всё потому, что дом этот покупает Анатолий Анатольевич Тирольский. Отныне он и только он будет его полноправным владельцем. Взрыв оваций заглушил окончание речи про отмену реставрационных работ, скорое закрытие всех экспозиций и установку на парадной лестнице бюста Сулова в знак преемственности и уважения.

Тем временем на улице, под окнами особняка, собиралось что-то вроде незапланированного митинга. Как оказалось, далеко не всех желающих пустили на открытие выставки. Туда проходили лишь избранные – строго по пригласительным билетам. Сенсация готовилась вроде бы секретно, без лишнего шума, однако утечка информации произошла ещё накануне. Газета «Доброе утро» выпустила памфлет про то, как местный миллионер собирается незаконно захватить старинный особняк, памятник архитектуры. Если и шутка – то вполне прозрачная. Как бы то ни было, дополнительную информацию экскурсовод Леонид Николаевич Линозов получил ещё утром, по телефону, от книготорговца, который оказался на месте всех событий. Прочитав сообщение, Леонид Линозов некоторое время стоял молча, приходил в себя. Потом поднялся на крыльцо и, размахивая руками, пересказал детали грядущего беспредела. Потом ему стало плохо. Пришлось пить сердечные капли и сидеть на скамейке в окружении жалостливых тётушек, доставших термосы с чаем и опала в виде свёрнутых газет.

ГЛАВА 17

Тайна одного натюрморта

В тот день Данила не планировал куда-либо идти, тем более на выставку современных картин. Однако вечером он вышел прогуляться, побродить по центру – и ноги сами привели к особняку. Вот уже вторые сутки все знакомые только и обсуждали скандальную новость: захват здания Тирольским. Не все, конечно, но самые сознательные и честные, вроде старика Линозова, который готовил теперь большой протестный митинг. Кроме обычных плакатов с надписями «Позор» и «Держи вора», он заказал сделать восковую куклу, изображающую Тролля, чтобы показательно, во время митинга, её

казнить – повесить или обезглавить, как именно, Линозов ещё не решил. Весь этот детский сад Данилу порядком раздражал. Только и умеют, что размахивать картонными мечами.

– Нет-нет, – доказывал Линозов по телефону. – Ты подумай, это же такой жест! Устрашающий! Всем урок!

«Подумай», – как будто он мало думает. После провала апрельской операции Данила стал по-особому задумчив и молчалив. Иногда он останавливался и негромко разговаривал сам с собой. Иногда просто садился на землю возле какой-нибудь оживлённой улицы, под ветвистый дуб или клён и, сцепив на коленях руки, пристально смотрел вперёд. Ему нравилось быть неподвижным и отстранённым, пока толпы идиотов куда-то спешат, над чем-то смеются, чему-то верят.

Если он и раньше не отличался общительностью, то теперь замкнулся окончательно. Впрочем, замечать перемены было особо и некому. В институт с тех самых пор он не ходил, пропустил итоговое заседание кафедры. На телефонные звонки научного руководителя не отвечал. С сестрой давно не виделся, мама погрузилась в предсвадебную суету, дядя Лёня, как обычно, больше обращал внимание на исторических деятелей, ставших легендой, чем на живых людей. Но даже он, рассеянный мечтатель Линозов, и то как-то раз заметил, что Данила сильно похудел, уж не болен ли он.

– Да нет, – отмахнулся Данила, – просто весна, давно не отдышал.

– А, ну да... Сегодня только Тролли имеют возможность ездить по курортам, – тут же согласился Линозов. – Такое вот безумие... Чем же ты сейчас так занят?

В ответ Данила пожимал плечами. Смешной вопрос. Пожалуй, он и был занят только тем, что отдышал. Ходить на работу, как ему представлялось, большого смысла не имело. Сразу решил, что накопленных денег хватит на пару месяцев, а там... Там будет видно. Обидно было разве что тратить все сбережения на себя... Раньше он представлял, как после трагического финала родным в утешение и на организацию похорон останется сотня тысяч. Всё будет в высшей степени благородно с его стороны. Теперь же этот план, судя по всему, разваливался. С другой стороны, мать нашла себе жениха. Вот пусть и разбирается сама.

День проходил быстро и уныло. Сон до полудня, затем сёрфинг интернета, чтение новостей, просмотр глупых роликов ютьюба, всякого рода приколов и лайфхаков. Ближе к вечеру такая же бесцельная, как вся жизнь, прогулка по центру, во время которой он пытался размышлять и строить планы. По ночам ему снились кошмары. Наверное, он обрадовался бы любому кровавому ужасу, межгалактической войне, перебранке между Гансом и Триной, но весь кошмар в том и состоял, что ничего не происходило. Была одинокая пустая комната. Окно, засиженное мухами. Мелкий вечный дождь, замерший до горизонта мутной пеленой. Он хотел бы выйти, побежать – и не мог. Он задыхался и жаждал, молил, чтобы его убили, развеяли бы эту муку. Но ничего не происходило.

Он мог бы считать себя давно умершим, если бы не настойчивая привычка организма требовать себе кофе и какую-нибудь еду, неважно какую, потому как на вкус всё было одинаковым, слишком пресным.

Таким же уныло-пресным оказался и особняк, когда Данила зашёл внутрь. Перемена – разительная. Обычно здесь царила праздничная суета, звуки музыкальных инструментов наслаивались на звонкие восклицания, аплодисменты, смех. Раньше здесь пахло духами и страницами ветхих книг, которые на тележке прикатывал антиквар, вскипевшими сливками и тёплыми булочками из кофейни, что располагалась в подвале, травяным чаем, восковыми свечами, морскими раковинами. По лестнице непременно стучала капель дамских каблучков, шуршали платья. Уборщица стремительно проходила мимо со шваброй в руке, вечно оттирала какие-то пятна, а гардеробщик, шурясь от недосыпа, вешал пальто и протягивал номерок.

Теперь же надо всем витал дух заброшенности. Так, словно невидимая пыль уже столетиями оседала на предметы, на торопливо прикрытый газетами стол с книгами, на паркет, на потушенные люстры. Он шёл один в этой гулкой тишине, дивясь своему присутствию.

– Кто здесь? – окликнул охранник. – Всё уже закрылось.

– Я на секцию... «Берёзка»...

– Секции выехали! Только книги осталось забрать.

– А выставка?

– На втором этаже... – охранник немного сомневался, но затем всё-таки махнул рукой. – Поднимайтесь. Где же ещё знаменитую «Спираль» теперь посмотришь, конечно...

– Для «Спирали», я слышал, должны построить отдельное здание.

– Ну-ну, пока построят... – не договорив фразу (распространённая особенность современных людей: кидать словесное соцветие в воздух и не заботиться о его дальнейшем развитии, не поливать и не укоренять в почву, даже не оградить заборчиком логических аргументов), охранник ушёл к себе в каморку, а Данила побрёл, сам не зная для чего, в зал современного искусства.

На лестнице и в коридорах царило всё то же запустение. Ковровые дорожки уже убрали, со стен сняли многие знакомые картины. В коридоре была составлена разобранная мебель: её то ли вывозили, то ли, напротив, привезли, чтобы обставить спальню, столовую или гостиную нового владельца.

Из одной комнаты выглянула заплаканная девушка в длинном мятом платье. Кутаясь в палантин, она проводила Данилу печальным, неприлично долгим взглядом. Так, что он даже оглянулся, а она, покраснев, торопливо поправила в своих волосах белую заколку. Её волосы были подобны паутине, а сама заколка – легкокрылой жертве, попавшей в сети.

Наконец коридор вывел в просторный холл, где и располагалась экспозиция. Со всех сторон обрушилось буйство красок, острых углов, пирамид, торчащих линий. Несмотря на цветовой разнообразие, мир был беден и разъят, напоминал разобранную мебель, мимо которой он только что прошёл. С другой стороны, художник предложил посмотреть на самое главное, на жизнь без прикрас. Реальность, лишённая пыльного убранства и пышности, представляла конструкцию из набегающих плоскостей. Всё было предельно обнажено и безлико. Знаменитая «Спираль» располагалась в центре зала. Боковые лампочки подсвечивали её снизу так, что при желании можно было представить сноп золотистых колосьев. Серп, молот, собранный урожай стали единичными. Это был первый и последний день творения мира. И одновременно лабиринт Минотавра, внутри которого блуждала отчаявшаяся душа. Данила пристально рассматривал спираль, её скосы и градации, утолщения, завитки, бесконечные стальные переходы. Дрогнув, бока спирали зашевелились и поплыли. Перед ним была змея, обхватившая тугими кольцами землю.

– Завораживает? Она, как Мона Лиза, для каждого своя... – жеманно проговорил кто-то.

Вздвогнув, Данила оглянулся. Какая досада. Та самая девушка.

– Я смотритель этого зала... Точнее, бывший смотритель, ведь все музейные экспозиции закрываются. Но свою последнюю экскурсию с удовольствием проведу, – продолжила она. Её глаза всё ещё блестели, но волосы уже были собраны в крепкий пучок, похожий на сжатый кулак. Вся она стала другой – подтянутой, сосредоточенной. Исполненной мрачной решимости.

– Спасибо, не надо, – Данила поспешил к выходу. – Я очень занят, тороплюсь.

– Неужели? – донеслось в спину. – Вы так уверены? Завтра уже этой выставки здесь не будет...

И никогда...

«Чего ещё не хватало, – думал он, – и так своими глупыми речами мир заполонили. Ну что она может сказать про “Спираль”? Что понимает в абстракционизме? Выучила из пособий пару абзацев и повторяет их теперь, словно попугай».

На лестнице у него закружилась голова, пришлось замедлить шаг. В глазах рябило. Так, словно импульс искусства, разорвавший живописную реальность на ошметки и клочья, всё ещё продолжал преобразовывать окружающий мир – только теперь уже реальное жизненное пространство, а не то, что лишь на холсте и в красках. Сам Данила чувствовал себя таким же сломанным, разобраным на отдельные детали. Схватился за перила, сделал глубокий вздох. Минутное недомогание стало проходить. Пёстрые фрагменты стянулись в одну точку, проявляя ступени, бледную стену, картину на стене.

Собрался было спускаться дальше, но картина показалась до странности знакома. Ничем не примечательный натюрморт, и всё-таки... Большие настенные часы с закрытыми дверцами над циферблатом, белая чашка на столе, простенький букет ромашек и васильков. Часы и чашка. Да, конечно, это были те самые предметы, которые Полине передала Наталья. Данила захотел рассмотреть год или подпись художника и, поскольку впереди ничего такого не обозначалось, двумя руками притянул раму и развернул на другую сторону. Видимо, слишком резко дёрнул. Рама заскрипела и сдвинулась, а к ногам упал сложенный четверо пожелтевший лист бумаги. Точнее, несколько листков, исписанных мелким почерком.

В голове сразу стало ясно, даже прозрачно. Одним быстрым движением Данила, схватив листы, убрал их во внутренний карман джемпера. Оглянулся, поправил картину. Вроде бы никто ничего не

заметил. На всякий случай взбежал на второй этаж. Девушка, смотрительница зала, сидела на низком пуфике возле разобранной мебели и, закрыв лицо руками, горько рыдала. Вся обстановка показалась Даниле в высшей степени сюрреалистической. Тем более что в волосах смотрительницы, вновь небрежно распущенных, спадающих густой волной по спине, он рассмотрел сверкающие бусины и небольшую съехавшую набок корону: «Принцесса, блин». Он совершенно успокоился, едва убедился окончательно, что случившееся осталось при нём. Всё остальное было сейчас неважным.

Охранник внизу по-прежнему невозмутимо читал газету. Конечно, теперь можно было бы спросить про картину, узнать её историю, судьбу – но Данила настолько был потрясён обрётёнными записками, так, словно в них и только в них содержались ответы на все существенные вопросы бытия, что лишний раз проявлять интерес и тем самым привлечь внимание к натюрморту не стал. Напротив, подчёркивая своё безразличие к искусству, он сказал:

– Выставка так себе. А вот смотрительница зала весьма красива...

– Карина?

– Правда, что-то слишком грустная, плачет, вот сейчас в коридоре... Прямо в три ручья.

– Не удивительно, – охранник отложил газету, – только устроилась на работу. Буквально неделю назад. Всё сделала, чтобы угодить. Принцессой стала. И опять теряет место. А эта работа, она мне призналась, была работой её мечты... Не в горничные же к Тиролюскому идти, как ей предложили... Нет, Карина – девушка с образованием. Книжки всё какие-то читает. Сколько её видел...

– К Тиролюскому – ни в коем случае! – вскипел Данила.

– Легко сказать. А на что она жить будет? Тут вопрос элементарного: питание, оплата съёмного жилья, одна совсем осталась, и своего ничего нет.

– Вот, пусть на первое время будет... – порывшись в рюкзаке, Данила достал кошелек и протянул охраннику несколько смятых купюр. – Передайте.

Он понимал, что нужно бы подняться, самому предложить деньги, красиво как-нибудь это обыграть, чтобы девушка не обиделась. Но откуда-то повеяло далёким и тёплым ветром, он был школьником и, по поручению Линозова, нёс в портфеле шоколадку для мамы; тогда так же, как и сейчас, вокруг были стены, коридор и дверь, но это не самое главное: вся жизнь, казалось, радостно играла впереди. Вместе с пожелтевшими письмами, будто золотая осень, эта жизнь сегодня вновь просветлела. Белым вином наполнила пустой сосуд...

Первое письмо, не удержавшись, он развернул на улице. Присел на лавку, взгляделся. Буквы – вроде бы известные, русского алфавита. Но при этом всё непонятно, слишком витиевато, смазано общим наклоном. Где-то с трудом проступило слово «Богъ», на другой строке – «гробъ», «весна», «череда». Или «черепа»? На «п» предпоследняя буква никак не тянула, однако и «д» напоминала с трудом. Некоторое время Данила продолжал внимательно рассматривать страницу. Однако чем дальше он вглядывался, тем меньше смысла оставалось в письменах. Буквы собирались в непредсказуемые своенравные узлы, некоторые длинные слова кидали ползущие хвосты, точно кометы. Другие слова и вовсе, вылупившись из начертанной оболочки, забили крыльями и собрались улетать.

Дрожащей рукой Данила прикрыл листы. Потом осторожно сложил и спрятал в карман. Подумал. Собственно, терять особенно нечего. Достал телефон и, помедлив, всё же набрал номер Полины.

ГЛАВА 18

Один в кепке, другой лысый

Несмотря на склонность к полноте, Тиролюский толстым никогда не был, поскольку следил за правильным питанием и регулярно посещал тренажёрный зал. Правда, самому ему больше нравились полногрудые объёмные барышни, их расторопная мягкость ни в какое сравнение не шла с угловатостью модных нынче худощавых блондинок, напоминающих Тиролюскому зубастых щук или селёдок. То ли дело женщина, подобная воздушному шару... И он был счастлив, что, наконец, встретил именно такую. И что не стал её перевоспитывать, менять привычки, призывать блюсти фигуру или хотя бы ходить в бассейн. Принял такой, какая есть. Впрочем, речь сейчас не об этом.

Линозов, напротив, от природы был весьма строен, даже узок, будто декоративный тростник; но годы, а также пиво и любимые миндальные плюшки, которыми он заедал депрессию, давали своё:

под пиджаком образовалось некое подобие живота, а подбородок стал двойным. Несмотря на это, Николай Линозов чувствовал себя бодрым и неутомимым, так что с раннего утра приступил к активным действиям и разной организационной суеде. В принципе, к митингу всё уже было почти готово, однако, не привыкший бездействовать, Леонид Николаевич решил ещё раз сделать обзор площадки, где предполагалась казнь куклы Тролля. На первом автобусе он подъехал к «особняку Сулова», и тут его ждало ужасное открытие.

Особняк был огорожен. Да-да, всего за одну ночь вокруг здания был возведён высоченный забор, сверху обвитый колючей проволокой. Срывалась не только поучительно-живописная часть митинга, которую было задумано провести под окнами кровопийцы, но рассыпались и годами наработанные экскурсии. Ведь за ограждением остались и украшения, и лепнина, и дорические колонны...

«Это же исторический памятник... Это полное... Подлое... Нарушение всех законов». – Лицо Линозова стало бордовым.

В это время раскрылись ворота, и со двора особняка медленно выдвинулся чёрный мерседес с тонированными стёклами. Повинуясь бессильной ярости, Линозов сделал шаг навстречу. Машина резко затормозила. Задняя дверь открылась, из салона вышел Тирольский собственной персоной. За ним тут же высыпало несколько охранников, которые выстроились в ряд за его спиной.

– Кого я вижу! Лёня! Лёнька! – тонко, как-то даже плаксиво, протянул Тирольский и вдруг любезно раскинул руки: – Сколько лет, сколько зим...

В отличие от Линозова, Тролля был мертвенно-бледен. Полночи он посвятил своему давнему увлечению, которого очень стеснялся, – компьютерной игре «Дорожный детектив», и теперь чувствовал себя довольно скверно. Впрочем, синяки под глазами скрывали тёмные очки. Стильная же обновка – малиновый фирменный тренч, серебристые пуговицы которого были украшены тончайшим китайским орнаментом, ботинки с заострёнными носами, сияние, запах дорогого парфюма – весь этот лоск создавал разительный контраст с Линозовым, потёртые джинсы которого пузырились на коленях, а ребячья выцветшая кепка, перевёрнутая козырьком назад, приминала седые клочковатые волосы – всё, что осталось от пышной некогда львиной шевелюры.

– Батюшки-и-и! Как ты изменился! – продолжал по-старчески плаксиво восклицать Тирольский. – Красавец ведь был... Ведь раньше, помнишь? Первый в классе, можно сказать... Бог ты мой...

– А ты в Бога, смотрю, уверовал, – наконец выдавил из себя Линозов. – А что есть Божий суд – знаешь?

Всё происходило так, как могло мечтаться Линозову разве что в лучших снах. Он не потерял чувства собственного достоинства и коронную фразу смог произнести величаво и с холодным презрением.

На мгновение Анатолий Тирольский словно оцепенел. Каменные лица охранников согласно дрогнули, будто по ним пробежал ветерок. Повисла напряжённая пауза. Линозову даже захотелось, чтобы его убили, сейчас же, на этом самом месте. Больно славный получился бы тогда некролог. Возгоревшись этой идеей, он жаждал удара и мысленно прощался с жизнью. Однако Тирольский вдруг расхохотался и, согнувшись, хлопнул двумя ладонями по своим коленям.

– Я понял, о чём ты! Кажется, я понял! Дружище, не бери в голову! Будь проще...

– Что значит – «будь проще»? – нахмурился Линозов.

– Если ты про «особняк Сулова» и забор, так это временно. Ну, это же не секрет, что по своей натуре я меценат, и вообще, скажу тебе, Лёнька, честно, очень добрый человек. Очень. Сейчас, конечно, забор нужен – слишком много зевак бродит, в окна заглядывают. Знаешь, неприятно. А потом, как утрясётся, всё откроем. Будет время, и ты свои группы приведёшь, про дом расскажешь, лепнину покажешь. Нет, я вовсе не против. Я не враг искусству. Напротив, суди сам: здание разрушается, нужен ремонт. Любой дом без хозяина ветшает... Так нельзя. Вот я и займусь...

– Собой лучше занимайся! Руки прочь от народного достояния! – лозунг выкрикнулся сам собой, Линозов и не думал, что получится настолько складно.

– Ой-ей-ей, а вот это зря... – со вздохом процедил Тирольский. – Впрочем, впрочем... Я зла не держу... Я человек добрый.

Затем он кивнул охране, и те медленно, словно нехотя, отступили назад.

– Не поверишь, но скажу честно. Давно я хотел, чтобы мы встретились, потолковали... Вспомнили бы былое, школьные годы. Поговорили бы и о твоём будущем. Тет-а-тет.

– Я не девка на выданье, чтобы о будущем толковать, – фыркнул Линозов. Вся эта ситуация ему представилась вдруг в высшей степени комичной. В отличие от слишком солидного лысого олигарха-брюзги, он был в весёлой ярко-жёлтой куртке из секонд-хенда и хулиганской кепочке, лихо перевёрнутой назад. Как ни крути, а живая развратная жизнь – года косит, красоту уносит, как бы человек ни бодрился, накачивая себя препаратами со стволовыми клетками абортированных младенцев. Леонид Николаевич по-особому остро почувствовал сейчас свою удаль и вечную молодость. Главная же особенность молодости – нежелание вспоминать былое, ворошить выцветшие тряпки судьбы.

– Моя идея вот в чём, – продолжал Тирольский, – хватит самодеятельностью заниматься, всё это несерьёзно. Пора тебе, Лёнька, свою фирму открыть, стать начальником. Экскурсионное бюро... По старой дружбе выделю тебе денег, в офисах сотрудниц посадишь. Хорошеньких... Сначала вложим, потом выручка хлынет, оглянуться не успеешь – лимонами пару чемоданов наполнишь... Такой вот челлендж, если кратко...

– Пошёл в жопу, – с удовольствием выговорил Линозов.

О, непробиваемый Тирольский, о, мерзкий Тролль. Кажется, он нисколько не обиделся и даже не оскорбился. Его благодневная высота до уровня простолюдинов не опускается.

– Эх, дурила. Каким ты был, таким остался. А всё равно, подумай. Через недельку, в это же время, на этом же месте. Чао-какао! Да, и помни. Не каждый день и не каждому дуриле средь бела дня лимоны предлагают...

«Моя душа сатане не продаётся», – эти и многие другие мудрые изречения хотел было сказать Линозов, да Анатолий Тирольский слушать не стал. Сел в машину и тут же уехал. Только брызги из-под колёс взметнулись.

Домой Леонид Николаевич вернулся не просто в хорошем – в ликующем настроении. Если бы он знал хоть одну песню, то, безусловно, стал бы громко петь. Он был уверен, что всё сказал и сделал правильно. Жаль, правда, на видео не записал, да кто же знал, кто предполагал, что так случится. Закономерный вопрос: а чего это Тролль вцепился, какую выгоду ищет? – пока не возникал. Казалось, что по-другому и быть не может. Чего ещё желать гнилому олигарху? Конечно, как можно больше свободных граждан под свой колпак согнать. Ишь ты, деньгами решил соблазнить. А вот не всё в этой жизни продаётся и покупается, ой, не всё. Ради такого события Линозов решил выпить шаманского, повернулся к кухонному шкафчику и вскрикнул от неожиданности. Банка, в которой обитал червь Поллет, лежала перевёрнутой набок. Сам Поллет отсутствовал. Зато рядом, на тумбочке, сидел пришлый кот-квартирант. Щурил жёлтые злые глаза и облизывался.

ГЛАВА 19

Какое завтра время года

Лампа не горела. Календарь показывал март. А за окном весёлым пламенем металась от сильного ветра майская буйная зелень. Они были вместе, а потому ничего не замечали.

– Ты мне что-то хотела сказать? – не выдержал Данила.

Вот уже почти час Полина, склонившись над столом, всматривалась в принесённые Данилом бумажные листы. Иногда она поднимала голову и смотрела прозрачным, немного сумасшедшим взглядом, а потом принималась читать дальше, ничего не поясняя. Наконец вся эта загадочность порядком надоела. Что может быть страшнее тишины.

– Говори! – потребовал Данила. – Всё, как есть, говори.

– Она жила рядом с нами, а мы даже ничего не поняли. – Полина отложила записи, встала и подошла к окну. – Ни разу не спросили. Не поинтересовались... Всё о себе да о себе... Ты что, правда, не разбираешь почерк? Ты же прочитал уже, зачем прикидываешься? Давай решим, что теперь делать.

– Да ничего я не читал! Китайские иероглифы кто разберёт... Будто курица писала, этой... лапой.

– Сам ты курица, – обиделась Полина. – Достаточно сосредоточиться... А ещё...

– Ой, хватить меня учить!

– Ой-ой, – передразнила Полина и, откинувшись назад, на спинку кресла, мечтательно прищурилась.

В это время прогремел гром, в окно ударили первые тяжёлые капли весеннего дождя.

– Как темно стало... – ещё сказала Полина и подошла к подоконнику, на котором пылился глиняный горшок с засохшим кактусом. Тронула цветок пальцем и вздрогнула, наткнувшись на тонкие полупрозрачные иглы, почти невидимые, но жёсткие и острые.

Тогда Данила встал рядом и взял её за руку, она не отнимала. Может быть, нужно было включить лампу и зашторить окно. Заварить крепкий чай и полить кактус. Продолжить вслух читать рукопись, разбирая слова. Но на улице шёл дождь, страшно качалось дерево. А они всё стояли, не в силах оборвать странное горькое чувство, прозрачное и настойчивое, чувство нежности и тишины, полузабытой страсти. Под ногами обрушивались города и мчались поезда. Дремали подземные реки.

Когда идёт дождь – наступает другое время года и никто не знает, каким оно будет завтра. Когда двое целуются, то отблеск любимого навсегда сохраняется внутри и бродит после по лабиринтам души, зовёт и скучает, играет на свирели, грустит.

Отстранившись от Полины, Данила потерянно сел на диван, обхватил руками голову. Полина не уходила и не возмущалась. Она задумчиво смотрела вдаль, накрыв ладонью кактус.

Особняк, словно вымышленный ледяной дворец, расплзался и бледнел. Тролль, сжавшись, стал не страшен и далёк – подземный житель скандинавских саг, не больше червя.

На столе лежала рукопись, которая повествовала об ином. О том, что особняк – совсем другой, не такой, как принято о нём рассказывать. Отдельная страница была посвящена священнику из Благовещенского собора, незадолго до своего ареста он приоткрыл девочке Наташе тайну её рождения. Было написано о том, как Наташа полюбила Сулова, простого и весёлого поэта-рабочего, похожего на агитку, – прямого, чёткого, звонкого во всём: в работе, речах, походке. За эту однолинейность, в противоположность самой себе, и полюбила, пожалуй, – казалось, он не ходил, летал, расправив крылья в небе. Мечтал Сулов о мировой революции, играл на гармонии, выступал на партсобраниях, но когда занял высокую должность, был арестован и осуждён. Исчез навсегда.

– Вот что! – решил Данила. – Ты не читай сейчас. Соберёмся все вместе... И тогда. Ты, дядя Лёня, я и мама, Дашка... Пусть даже Анатолий придёт, не жалко...

– Анатолий?!

– Мамин новый друг, безликий, как горстка пыли.

– А-а...

– Понимаешь? Это будет нонсенс.

– Ещё какой...

– Да-а... Линозов столько лет экскурсии водит, всё про какую-то лепнину, греков говорит, а тут такие судьбы.

– Невероятный поворот!

– И знаешь... Мы будем счастливы... – наконец выговорил Данила. – Навсегда.

Прозвучало почти убедительно. День закончился, незаметно наступала ночь. Усевшись на сук соседнего ветвистого дуба, печально и сладостно пела птица Сирин, волнительно пахло свежими ночными травами. И совсем даже неважно, что дубы в том районе не росли. Главное, что дуб был могучий и вековой, а каждое перо Сирина украшено специальным золотистым колпачком «наперника», тронутого гравировкой неведомых слов.

Окончание следует